

Как И.В. Сталин изучал Японию

© 2010

Ю. Георгиев

Повышенный интерес у И.В. Сталина к Японии вызвала ее агрессия в Маньчжурии в 1931 г., создавшая реальную угрозу безопасности Советского Дальнего Востока. С этого времени отношения с этой страной заняли видное место в его внешнеполитической деятельности. Основой его курса стало жесткое отстаивание национальных интересов СССР на Дальнем Востоке в условиях реальной угрозы со стороны японского милитаризма. Особое внимание И. Сталин уделял возвращению стратегически важных для безопасности СССР земель на Дальнем Востоке, утраченных в дореволюционное время в пользу Японии.

Ключевые слова: Сталин, Япония, национальные интересы, освоение Курил, пакт о нейтралитете, советско-японская война 1945 г.

Прежде всего стоит напомнить, что Сталин принадлежал к тому поколению жителей России, которые оказались современниками русско-японской войны 1904–1905 гг. Поэтому Япония и ее взаимоотношения с Россией не были для него пустым звуком. Однако, как и у большинства революционеров того времени, события русско-японской войны отложились тогда в его памяти как показатель гнилости и бездарности царского режима, пролог первой русской революции 1905–1907 гг.

“Лицом к Японии” жизнь начала поворачивать Сталина с 1919 г., когда он был избран в постоянно действовавший руководящий орган РКП(б) — Политбюро. Шла гражданская война, в поддержку белогвардейской контрреволюции выступили могущественные империалистические державы Антанты, начавшие военную интервенцию против Советской России. Среди них оказалась и Япония. С 1918 по 1920 гг. она играла первую скрипку в интервенции империалистических держав Антанты на Дальнем Востоке, а с 1920 по 1922 гг. ее “сибирский экспедиционный корпус” продолжал военную интервенцию самостоятельно.

В те годы Сталин часто выезжал на фронты гражданской войны, но ему не довелось напрямую столкнуться с японскими интервентами, его командировки ограничивались европейской частью России. Тем не менее, как один из руководи-

телей РКП(б) он непосредственно участвовал в разработке и практическом осуществлении курса Советской России в отношении иностранной, в том числе и японской интервенции. Своеобразие этого курса заключалось в том, что реальное соотношение сил исключало тогда для молодого Советского государства возможность одновременно вести успешную вооруженную борьбу как с силами внутренней контрреволюции, так и с иностранными интервентами, поддерживавшими и прикрывавшими их. Поэтому ставка была сделана на то, чтобы, продолжая ожесточенную гражданскую войну с силами внутренней контрреволюции, добиваться ликвидации иностранной военной интервенции преимущественно политическими, дипломатическими методами и средствами. Так на Дальнем Востоке возник “буфер” в виде буржуазно-демократической, формально независимой Дальневосточной Республики с собственной Народно-революционной армией.

Факты свидетельствуют о том, что Сталин активно поддержал идею создания “буферной” Дальневосточной Республики в качестве дипломатического шага, который позволил бы Красной армии избежать прямого военного столкновения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке с экспедиционными силами Японии и других интервенционистских держав. Свою позицию в отношении ДВР Сталин определял следующим образом. ДВР, говоря его словами, “образовалась искусственно (буфер), по соображениям тактического характера (думали, что буржуазно-демократическая форма послужит надежной гарантией против империалистических поползновений Японии и других государств)”¹. Сталин также считал, что ДВР дает реальную возможность наладить через нее дипломатические контакты Советской России с Японией. Об этом свидетельствует, например, его телеграмма в Дальбюро ЦК РКП(б) от 1 июня 1922 г. В ней он, касаясь переговоров, которые шли тогда между делегациями ДВР и Японии, передал руководству ДВР партийную установку на то, что “переговоры должны вестись между Японией и объединенной делегацией РСФСР и ДВР”. В собственной приписке к решению Политбюро Сталин специально предостерегал, что “попытка Японии заключить договор с ДВР без официального участия РСФСР есть покушение ликвидировать те завоевания, которых нам удалось добиться в Генуе”². Сталин имел в виду временные обязательства о взаимном ненападении, достигнутые в мае 1922 г. на конференции в Генуе между советской делегацией и остальными ее участниками на период переговоров об урегулировании разногласий по финансово-экономическим вопросам.

К осени 1922 г. Народно-революционная армия при поддержке красных партизан разгромила белогвардейские формирования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, что оставило японских интервентов без военного союзника и лишило повода для интервенции. Что же касается самих японских интервентов, то, действуя политическими методами, прежде всего пропагандистским разложением солдат “сибирского экспедиционного корпуса”, и активно используя существовавшие глубокие японо-американские империалистические противоречия, их удалось постепенно вытеснить с Дальнего Востока за исключением северной части Сахалина, откуда японские войска ушли только в 1925 г. после установления дипломатических отношений между СССР и Японией. Сыграв отведенную ей дипломатическую роль, ДВР в 1922 г. сошла с политической арены.

Весьма показательным для того политического курса, который Сталин отстаивал в отношении японской интервенции на Дальнем Востоке, было решение Политбюро ЦК РКП(б), принятое 19 октября 1922 г., т.е. в то время, когда Народно-революционная армия вслед за отступавшим “сибирским экспедиционным

корпусом” Японии уже подошла к пригородам Владивостока. Сталин, наряду с В.И. Лениным, принимал участие в формулировании этого решения. В нем было записано: “Потребовать от Японии точной фиксации срока сдачи нам Владивостока. **Дать приказ расстреливать всех, кто сделал бы малейший шаг, способный втянуть нас в войну с Японией** (выделено. — Ю.Г.). В то же время усиленно стягивать наши войска к Владивостоку”³.

Таков был политический старт Сталина как одного из советских руководителей в решении проблем, связанных с Японией. Накопленный им опыт борьбы с японской интервенцией на многие годы вперед предопределил его отношение к нашему дальневосточному соседу как к стране, не просто враждебной Советской России, но и вынашивавшей агрессивные замыслы против нее. Познакомимся теперь с тем багажом знаний о Японии, которыми он располагал в то время. Известно, что Сталин много и внимательно читал, и представление об этом багаже можно составить, ознакомившись с сохранившейся частью его личной библиотеки.

Знакомство с ней показывает, что на тот момент единственной имевшейся там книгой, в которой затрагивались проблемы Японии и которую Сталин самым внимательным образом проработал, была знаменитая ленинская брошюра об империализме: “Н. Ленин (Вл. Ленин). Империализм как новейший этап капитализма” (1923). Так, во всяком случае, называлось тогда это издание. Следует сразу оговориться, что В.И. Ленин уделил в этой работе недостаточно внимания Японии по сравнению с другими ведущими империалистическими державами, но он четко и безоговорочно включил ее в их состав. Именно этот ленинский подход и был отмечен Сталиным.

В брошюре он жирно подчеркнул два принципиальных ленинских положения, касавшиеся Японии. Первое — из “Предисловия к немецкому и французскому изданию”, написанного 6 июля 1920 г. В.И. Ленин отмечал в нем: “Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью “передовых” стран гигантского большинства населения земли. И дележ этой “добычи” происходит между 2–3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в **свою** войну из-за дележа своей добычи всю землю” (Указ. соч. С. 7).

Сталин также выделил положение В.И. Ленина о том, что в условиях резко неравномерного развития капитализма как в мировом масштабе, так и в рамках отдельных государств, Япония отличалась особенно быстрыми темпами своего капиталистического развития. Вот это положение: “А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнивать ее с силой тогдашней Англии; то же Япония по сравнению с Россией. Через десяток — другой лет мыслимо ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение силы между империалистическими державами? Абсолютно немислимо” (Указ. соч. С.100).

Эти ленинские положения о Японии как об одном из двух-трех всемирно могущественных, вооруженных с головы до ног империалистических хищников, к тому же развивавшейся стремительными темпами, и легли в основу представления Сталина о сущности японского государства в тот период, его внутренней и внешней политики.

Они нашли свое отражение в первом и, к сожалению, единственном развернутом интервью Сталина, посвященном проблемам Японии. Оно было опубли-

ковано а газете “Правда” 4 июля 1925 г. Применительно к Японии Сталин говорил тогда о “восточном империализме”. Как может заметить читатель, это интервью Сталина еще было овеяно романтикой первых послеоктябрьских лет, когда бытовало убеждение в близком преддверии мировой пролетарской революции. Вот что тогда Сталин сказал о Японии:

“Это верно, что японский народ является самым передовым из народов Востока, что он заинтересован в успехах освободительного движения угнетенных народов. Союз японского народа с народами Советского Союза был бы решающим шагом в деле освобождения народов Востока. Такой союз означенвал бы собой начало конца великих колониальных империй, начало конца мирового империализма. Этот союз был бы непобедим.

Но верно также и то, что государственный и социальный строй Японии толкает японский народ на путь империализма, делая его орудием не освобождения, а порабощения народов Востока”.

Чрезвычайно любопытен и совет Сталина, который он дал тогда японскому народу:

“Вы спрашиваете: как выйти из этого противоречия между интересами японского народа, с одной стороны, и государственным и социальным строем Японии — с другой.

Выход один: изменить государственный и социальный строй Японии по образцу и подобию коренных интересов японского народа”⁴.

Жизнь, однако, быстро развеяла революционную эйфорию эпохи “после Октября 1917 г.”. Октябрь, вопреки ожиданиям большевистских вождей, не стал прологом мировой пролетарской революции. Выяснилось, что Сталин явно переоценил революционный потенциал японских трудящихся и в равной мере недооценил живучесть японского империализма, который лишь укрепил свои позиции по итогам Первой мировой войны. Милитаристская Япония начала свою агрессию против Китая, захватив в 1931 г. Маньчжурию, и вышла к сухопутным границам советского Дальнего Востока. Ее Квантунская армия превратилась в реальную агрессивную силу, угрожающую этому региону Советского Союза. Ожидания поддержки со стороны японского пролетариата не оправдались. В борьбе с агрессивной угрозой со стороны японского империализма Советскому Союзу пришлось полагаться на собственные силы.

Именно к этому периоду относится высказывание Сталина (из его письма к Ворошилову от 27 ноября 1931 г.): “Дела с Японией сложные, серьезные. Япония задумала захватить не только Маньчжурию, но, видимо, и Пекин... Более того, **не исключено и даже возможно** (выделено Сталиным), что она протянет руку к нашему Дальвосту и, возможно, Монголии... Главное теперь в подготовке обороны на Дальнем Востоке”⁵.

Создавшаяся ситуация заставила Сталина заняться углубленным изучением обстановки в Японии. Подтверждение этому мы также находим в его личной библиотеке. Там появились три книги по Японии, относящиеся к 1933–1934 гг., которые Сталин внимательно проработал, оставив много подчеркиваний и пометок на их страницах. Эти следы работы Сталина дают нам возможность понять, какой он представлял себе Японию в тот период.

Первой является книга “Военно-фашистское движение в Японии” (Хабаровск, 1933). Она была написана коллективом авторов и предназначалась для ознакомления советских партийных и военных работников с ситуацией в Японии. Книга не поступала в продажу и распространялась по особому списку. Вторая

книга — Т. О'Конрой “Японская угроза” (М., 1934. Пер. с англ.). И третья книга — “Военно-морские силы Японии” (М., 1933). Автору удалось просмотреть первые две из них.

В первой из них Сталина больше всего заинтересовали страницы, посвященные анализу причин агрессии Японии против Китая, развязанной в 1931 г., а также возможные направления ее дальнейшего развития. Сталин подчеркнул содержащийся в книге тезис о том, что эта агрессия представляла собой “империалистический выход из кризиса” (Указ. соч. С. 231), имея в виду мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 г. В этой связи он отметил следующий абзац:

“Все группировки господствующих классов (Японии. — Ю.Г.) как бы согласились на том, что ограбление Китая, а если удастся, то и советского Дальнего Востока и, во всяком случае, ограждение Китая от Советского Союза для ликвидации революционного движения в Китае и более прочное закрепление китайского рынка за Японией — должно разрядить, хотя бы на время, остроту экономического и зреющего политического кризиса в Японии” (С. 165–166).

Сталин внимательно изучил те страницы, на которых авторы проанализировали два возможных, с их точки зрения, направления японской агрессии: “север” или “юг”. Он жирно отчеркнул следующие абзацы:

“За последний год “общественное мнение Японии” занято обсуждением вопроса о направлении предстоящей войны: будет ли она японо-американской или японо-советской...” (С. 173).

“Начало операции в Маньчжурии еще окончательно не предreshало направления будущей большой войны” (С. 173).

“Однако Шанхайская операция (проведенная в 1932 г. — Ю.Г.), представляющая собой второй этап японо-китайской войны, уже свидетельствовала об активизации того крыла японской буржуазии, которое заинтересовано в первую очередь в овладении центрально-китайским рынком — цель, сопряженная с неизбежным японо-американским конфликтом” (С. 173).

И в то же время: “Иную позицию занимают те круги буржуазно-помещичьего лагеря, которые заинтересованы в сохранении дружественных отношений с США и строящие планы континентальной агрессии за счет СССР при створе с США” (С. 175).

Сталин особо выделил итоговый прогноз развития японской агрессии на Дальнем Востоке, сделанный авторами книги. А прогноз этот оказался весьма любопытным. Авторы писали: “Но на настоящем этапе вся обстановка как бы заранее лишает борьбу этих двух тенденций решающего практического значения. Дело в том, что задача закрепления в Маньчжурии сталкивает Японию в качестве ближайшего и непосредственного противника с китайским национально-освободительным движением” (С. 176). Этот акцент на китайское национально-освободительное движение в Китае как на решающий фактор, который, в конечном счете, и определит судьбы японской агрессии в Восточной Азии, практически совпал с точкой зрения самого Сталина, высказанной еще в 1925 г. Тогда, выступая на XIV съезде ВКП(б), он говорил, имея в виду Японию: “Силы революционного движения в Китае неимоверны. Они еще не сказались как следует. Они еще скажутся в будущем. Правители Востока и Запада, которые не видят этих сил и не считаются с ними в должной мере, пострадают от этого”. И далее: “Я полагаю, что Япония поймет, что с этой растущей силой национального движения в Китае, идущей вперед и все сметающей на своей дороге, она, Япония, должна считаться”⁶.

Можно полагать, что, с точки зрения Сталина, Япония, вторгнувшись в 1931 г. в Северо-Восточный Китай, проигнорировала его стратегическое предупреждение и тем самым сделала важный шаг к тому, чтобы бесперспективно увязнуть в этой военной аванюре. Исходя из этого следовало готовиться к японскому нападению на советский Дальний Восток, как к вполне реальной попытке со стороны Японии в ближайшем или более или менее отдаленном будущем найти выход из тупиковой китайской ситуации. Скорее всего по этой причине Сталин оставил без каких-либо комментариев общий вывод авторов книги, касавшийся непосредственно Советского Союза: “Практически поэтому именно к войне против СССР и направлены основные приготовления Японии” (С. 176).

Внимание Сталина привлек использованный авторами книги термин “японский военно-феодальный империализм” (Указ. соч. С. 234). Сталин жирно подчеркнул этот термин, но оставил его без комментариев. А комментарии были бы необходимы.

Дело в том, что в упоминавшемся выше ленинском труде об империализме, который Сталин внимательно проштудировал в 1923 г., В.И. Ленин не дал обобщенного определения японского империализма, хотя и отметил целый ряд его особенностей. Характеристики отдельных черт японского империализма имеются и в ряде других ленинских работ, причем часто они даются в сопоставлении с чертами российского империализма, поскольку В.И. Ленин находил в этих двух национальных разновидностях империализма много совпадающих моментов. Однако термина “японский военно-феодальный империализм” у В.И. Ленина нет. Зато термин “военно-феодальный империализм” есть у Сталина, но применительно к российскому царизму. В своей работе “Об основах ленинизма” он писал: “Ленин был прав, говоря, что царизм есть “военно-феодальный империализм”⁷. Действительно, в статье “О двух линиях революции” (1915 г.) В.И. Ленин прямо ставил знак равенства между “военно-феодальным империализмом” и царизмом⁸. А в брошюре “Социализм и война” (также в 1915 г.) подчеркивал, что “в России преобладает военный и феодальный империализм”⁹. Можно считать поэтому, что, отметив оценку японского империализма как военно-феодального и не высказав возражений против нее, Сталин солидаризировался с ней и тем самым дал ей путевку в жизнь.

Если рассмотренную выше книгу Сталин читал как серьезное политическое исследование, которое могло дать ему что-то практическое для определения политики в отношении Японии, то вторую книгу, написанную О’Конроем, Сталин прорабатывал в эмоциональном плане, поскольку она приоткрывала ему то, что мы обычно называем “психологией” народа. И, судя по всему, эта тема заинтересовала его. На страницах данной книги мы находим не просто отчеркивания и пометки, но и письменные реплики, отражавшие его личное отношение к написанному.

Больше всего пометок Сталин оставил в разделе книги, посвященном национальной религии японцев — синто. Красным карандашом на полях он написал “шинто” и “новое шинто” против того абзаца в книге, где разъяснялось различие этих понятий. Там говорилось: “Ныне существуют не две школы или секты, а два рода шинто. Один род — это шинто алтаря, где справляются все ритуалы... Другое шинто не проявляется ни в каких ритуалах и является собственно неошинто, алтарь которого находится в глубине души каждого современного фанатического патриота Дай Ниппон (Великой Японии)” (Указ. соч. С. 48). Отметим Сталин и то, как О’Конрой сформулировал понятие “шинтоизма”: “Это скорее

культ, чем религия, скорее сознание и представление о действительности, чем вера” (С. 46).

В этом же разделе находится и абзац, который жирно выделен Сталиным и снабжен следующей ремаркой на полях: “Это лицо Японии”. Вот данный абзац:

“Нет никакого сомнения в том, что изучать японский народ, не учитывая шинто, совершенно невозможно. Неоспоримый авторитет этого культа находится под защитой конституции, которая в некотором смысле является письменным оформлением шинтоистского понимания национальной жизни Японии. Этот факт больше, чем что-либо другое, придает конституции величие и неприкосновенность в глазах всего народа. Верховным правителем страны и народа является император. Император — это божественная и неприкосновенная особа — предмет национального обожания и уважения. Император представляет собой центральную фигуру шинто. Он в то же время является предметом поклонения в различных церемониях как олицетворение всех божеств. Следует понимать, что он представляет собой все, чем страна была и будет — он вместилище Амагэрасу О-Ми-ками. В ее лице представлены все боги шинто, и, происходя от богов, она возвышается над ними и занимает особое положение. Все другие боги существуют как ее проявление или как проявление ее высшей божественной воли... Пока живет шинто, будет существовать и Япония, умрет шинто, погибнет и Япония — такова другая аксиома этой расы. При таких взглядах, привитых народу, можно себе представить, насколько крепко последний придерживается своего примитивного культа и насколько он готов до конца следовать за своими правителями” (Указ. соч. С. 50).

Ремарку “Япония” Сталин поставил и против следующего абзаца в книге:

“Сознание того, что они являются детьми богов, что Япония есть страна богов, управляемая божественным императором, помогает японцам стоически выносить их лишения. С самого рождения японцу внушают, что патриотизм является его первой обязанностью по отношению к божественному императору, что Япония всемогуща, что со временем она станет владычицей мира” (Указ. соч. С. 41).

Хотелось бы отметить также резкую реакцию Сталина в тех местах книги, где рассказывается о жестоких нравах в повседневном быте японцев. Например, он ставит ремарку “Ужас” в том месте, где говорилось об издевательствах над женщинами со стороны монахов секты “Нитирэн” (С. 60). Или комментирует ремаркой “Вот мерзавцы” рассказ о том, как муж приводит домой проститутку и заставляет жену обслуживать ее (Указ. соч. С. 101).

Помимо названных трех книг в личной библиотеке Сталина не сохранилось иной литературы по Японии. Можно предположить, что после 1934 г. основным источником информации о Японии стали для него оперативные аналитические материалы, поступавшие от советских спецслужб. Причем Сталин обращал особое внимание на те материалы, которые с разных сторон и из различных источников затрагивали тему подготовки агрессии со стороны милитаристской Японии против дальневосточных районов Советского Союза. Сталин оставлял их у себя под рукой, накладывая резолюцию: “В мой архив”.

С такой резолюцией оказался, например, в его архиве переведенный с английского языка “Доклад английского посла в Токио в “Форин офис” по вопросу военных приготовлений Японии” от 5 января 1933 г. В тексте доклада Сталиным отмечены на полях два следующих абзаца:

“Не подлежит сомнению, что офицеры японской армии, особенно высшие, уверены в том, что в течение ближайших лет между Японией и Россией вспыхнет война”.

“Суммируя все вышесказанное, я прихожу к тому мнению, что теперешняя активность и решение о перевооружении японской армии направлены главным образом против России”¹⁰.

Аналогичный характер носила и сохраненная в его личном архиве записка Р. Зорге, направленная 4-м управлением Сталину 14 декабря 1937 г. В ней речь шла о новых разработках японским генштабом будущих военных операций против советского Дальнего Востока. В частности, Р. Зорге сообщал:

“Если до сих пор предусматривались преимущественно наступательные методы борьбы с Красной Армией, то теперь предполагается на всех фронтах, кроме участка около Владивостока (где будет осуществлен наступательный удар), действовать по принципу “сдерживающего боя”. Существует убеждение, что Красная Армия ответит на провокацию наступательными действиями со стороны Читы и Благовещенска. В этом случае ей дадут возможность постепенно проникнуть в глубь Маньчжурии, чтобы, когда она достаточно утомится и будет удалена от полосы собственных укреплений, решительно ударить по ней”¹¹.

Изложенный выше материал позволяет нам сделать вывод о том, что почерпнутые Сталиным знания о довоенной милитаристской Японии лишь укрепили его представление об этой стране как главном империалистическом хищнике, разбойничавшем в Восточной Азии и пытавшемся протянуть свою лапу к советскому Дальнему Востоку. Поэтому 1930-е гг. прошли по его инициативе под знаком усиленного развития экономического потенциала дальневосточных районов страны и мощного усиления их обороноспособности. И если в годы гражданской войны Красная Армия старалась избегать прямого военного столкновения с частями “сибирского экспедиционного корпуса” Японии, то теперь она смогла дать успешный вооруженный отпор японским милитаристам во время их военной провокации у озера Хасан в 1938 г. и уничтожила части Квантунской армии, вторгшиеся на территорию дружественной нам Монголии на реке Халхин-гол в 1939 г. Правда, это были, говоря словами Сталина, местные военные столкновения на “ограниченном пяточке”¹², несравнимые по своему размаху со сражениями Второй мировой войны. Но они закончились в пользу Советского Союза, отрезвили наиболее агрессивные настроенные круги японских милитаристов и стабилизировали обстановку на Дальнем Востоке. Вот как их оценивал Сталин в своем выступлении 17 апреля 1940 г. на совещании начсостава РККА по итогам советско-финской войны: “Ведь имейте в виду, что за все существование советской власти мы настоящей современной войны еще не вели. Мелкие эпизоды в Маньчжурии, у озера Хасан или в Монголии — это чепуха. Это не война, это отдельные эпизоды на пяточке строго ограниченном... Япония боялась развязать войну, мы этого тоже не хотели и некоторая проба сил на пяточке показала, что Япония провалилась”¹².

Основные события Второй мировой войны развертывались тогда на европейском театре военных действий, и это диктовало объективную необходимость для Советского Союза устранить опасность возникновения военного конфликта с Японией на Дальнем Востоке. Данная задача была в определенной мере разрешена в 1941 г. заключением советско-японского пакта о нейтралитете. Он внес разлад в японо-германские отношения и затруднил выступление Японии против СССР на стороне гитлеровской Германии. Однако заключение указанного пакта

не решало коренным образом вопроса обеспечения безопасности и защиты национальных интересов Советского Союза на Дальнем Востоке. Проблема заключалась в том, что эти интересы были в свое время в значительной мере ущемлены территориальными потерями царской России в пользу Японии. Потеря южного Сахалина и Курил носила стратегический характер, поскольку значительно затруднила оборону дальневосточных рубежей Советского Союза. Национальные интересы страны настоятельно требовали возвращения этих территорий. Особенную остроту данная проблема получила в обстановке Второй мировой войны, которая неотвратимо приобретала подлинно глобальный характер, грозя распространиться и на советской Дальний Восток. Весь опыт, накопленный Сталиным в процессе взаимоотношений с Японией, не просто подводил его к осознанию этой объективной реальности, но и подталкивал к быстрейшему решению указанной проблемы на практике. Тем более, что мировая война не только требовала решения данного вопроса, но и создавала определенные предпосылки и возможности для его решения. И Сталин отлично понимал это.

Разговор о возвращении Южного Сахалина и Курильских островов был начат на переговорах, которые проходили в Москве в 1940–1941 гг. В частности, советская сторона выступила с инициативой продать СССР для начала группу северных Курильских островов в ответ на японское предложение заключить пакт о ненападении. С точки зрения Советского Союза решение вопроса о возвращении утраченных территорий было непременным условием для налаживания подлинно мирных и дружественных отношений между СССР и Японией. Японская сторона не поддержала тогда эту инициативу, и дело ограничилось промежуточным решением в виде заключения пакта о нейтралитете. Проблема возвращения утраченных территорий повисла в воздухе. Потребовалось искать новые подходы для ее решения.

Такие подходы были найдены после того, как Советский Союз, подвергшись нападению со стороны гитлеровской Германии, союзницы милитаристской Японии, примкнул к антифашистской коалиции демократических держав. Сталин поставил вопрос о возвращении Южного Сахалина и Курильских островов уже перед союзными державами в рамках межсоюзнических отношений. Достигнутые договоренности были закреплены в Ялтинском соглашении от 11 февраля 1945 г., подписанным Сталиным, Рузвельтом и Черчилем. Положения этого соглашения были претворены в жизнь после безоговорочной капитуляции милитаристской Японии в итоге Второй мировой войны.

Своеобразное подведение итогов своих внешнеполитических и военных усилий по налаживанию и развитию советско-японских отношений между двумя мировыми войнами и в ходе последней мировой войны Сталин сделал в своем знаменитом Обращении к советскому народу 2 сентября 1945 г.

Прежде всего Сталин констатировал в нем такой принципиально важный сдвиг в мировой обстановке, как ликвидация японского милитаризма. Она не только обеспечила безопасность советского Дальнего Востока, но и разрядила международную обстановку в этом регионе земного шара.

“Свою агрессию против нашей страны, — подчеркивал Сталин, — Япония начала еще в 1904 г. во время русско-японской войны... Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно также все выходы к

портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток”¹³.

Безоговорочная капитуляция милитаристской Японии положила конец этой агрессивной политике.

“Это означает, — делал вывод Сталин, — что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой нашей обороны от японской агрессии”¹⁴.

Так ликвидация японского милитаризма позволила Советскому Союзу снять накопившиеся негативные “наслоения” в отношениях между нашими странами (в виде потерь стратегически важных для него дальневосточных земель в пользу Японии), создав тем самым объективные условия для полномасштабной нормализации советско-японских отношений.

-
1. *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 141.
  2. Москва — Токио: Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931. Сб. документов. М., 2007. Кн. 1. С. 39–40.
  3. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 138.
  4. *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 228, 230.
  5. *Кен О.В.* Мобилизационное планирование и политические решения. СПб., 2002. С. 206.
  6. *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 293, 294.
  7. *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 75.
  8. *Ленин В.И.* ПСС Т. 27. С. 81.
  9. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 26. С. 318.
  10. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185.
  11. Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 215.
  12. См. текст выступления в кн. *Сойма В.М.* Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 373.
  13. *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 366–367.
  14. Там же. С. 367–370.